

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 8

**Санкт-Петербург
2009**

3. Рим

А.Б. Егоров

Римские популяры – терминология, структура движения и идеология

Проблема римских партий, оптиматов и популяров, является одной из ключевых проблем истории гражданских войн конца II-I вв. до н.э. и, вместе с тем, затрагивает более общие проблемы идеологии и политики Римской республики и даже античного мира в целом. Возможно ли применение терминов «партия» и «партийная борьба» к политической жизни Рима этого времени и существовала ли в римских условиях борьба между консервативно-аристократическими и демократическими силами? Этот вопрос интересовал исследователей нескольких поколений, а научный спор вокруг понятий «оптиматы» и «популяры» имеет уже почти двухвековую историю. В более ранние периоды история гражданских войн в Риме представлялась, прежде всего, как борьба и взаимодействие выдающихся исторических личностей, Мария, Суллы, Помпея, Цезаря и др. на фоне глобального противостояния между сенатской аристократией и плебсом. Уже в XVIII веке в науку приходит термин «оптиматы», обозначающий правящую партию консервативной аристократии, господствующую в сенате и защищающую существующий порядок, а со времен Б.Г. Нибура и В. Друманна появляется и понятие «народная партия». Окончательно эта «двухпартийная схема» вошла в науку с появлением «Римской истории» Т. Моммзена.

«Двухпартийная схема» была несравненным шагом вперед по сравнению с прежними подходами. Причинами ее появления было не только развитие собственно науки об античности и известное усиление существовавших и ранее модернизаторских тенденций, но и изменение политических реалий и появление политических объединений по типу близких к современным партиям¹. Последу-

---

¹ Lintott A. The crisis of the Republic: sources and source problems // САН. 2nd ed. Cambridge, 1996. P. 13–15.

ющая историография будет неоднократно отмечать влияние на Т. Моммзена его собственного парламентского опыта, равно как и изучения практики британского парламента с его борьбой вигов и тори (либералов и консерваторов) и зарождения партийной жизни в собственно Германии, где также столкнулись либеральные и консервативные силы².

Согласно Т. Моммзену, всю политическую жизнь Рима в период от Гракхов до Цезаря можно рассматривать как противостояние двух больших партий, оптиматов (консервативной, аристократической партии) и популяров (партии народа, демократов)³. Последние выступили на политическую арену во времена Гракхов, и их первое выступление закончилось разгромом⁴. Новое движение было связано с кризисом Югуртинской и Кимврской войн, когда лидером партии стал Марий. Последние годы II века до н. э. были отмечены своего рода «диктатурой популяров»⁵, закончившейся после подавления движения Сатурнина. После затишья 90-х гг. и тяжелейшей Союзнической войны, начинается новый период борьбы двух партий, закончившейся вначале установлением новой диктатуры популяров и их лидеров, Мария, Цинны и Карбона, а затем – еще более полной победой оптиматов во главе с Суллой, репрессии которого практически уничтожили «народную партию»⁶. Возрождение популяров началось после смерти диктатора, в 70–60-е гг. они набирают силу и консолидируются вокруг нового лидера, Юлия Цезаря. Первое консульство Цезаря (59 г.) и создание триумвирата стали началом весьма неустойчивого равновесия, просуществовавшего на протяжении всего времени Галльских войн, а гражданская война 49–45 гг. стала полным разгромом оптиматов⁷. Впрочем, победа Цезаря не стала победой популяров – это была ликвидация обеих партий и консолидация римского общества⁸.

Таково лишь основное содержание концепции Т. Моммзена, на самом деле она оказывается значительно сложнее, чем считают некоторые из его сторонников и особенно – противников. Во-пер-

² Ibid., P. 11–12.

³ Моммзен Т. История Рима. М., 1995. Т. 3. С. 156–188.

⁴ Там же, Т. 2. С. 115; 122–123.

⁵ Там же, Т. 2. С. 170–171; 173–174; 194–197.

⁶ Там же, Т. 2. С. 315–316; 317–321; 349–353; 355–357.

⁷ Там же, Т. 3. С. 136–141; 201–204; 207–208; 210; 213–214; 238–247; 259–262; 287–288; 307–308.

⁸ Там же, Т. 3. С. 315–321.

вых, немецкий историк отмечает особую сложность отношений между популярами и крупными военными лидерами, Марием, Цинной и Цезарем. Марий был военным вождем, чьей главной опорой была армия, а его «партия» объединяла не только популяров, но и всадников, «новых людей» и других представителей антисенатских сил. Популяры были идеологами этого движения⁹, а Марий во многом следовал по пути Гая Гракха, однако этот союз был весьма непрочным¹⁰. Цинна был долгое время связан с «партией капиталистов», т.е. всадников¹¹, и скорее был противником Суллы, нежели настоящим популяром¹². Наконец, Юлий Цезарь был демократическим лидером в 70–60-е гг.¹³, однако во время Галльских войн вокруг него объединяются практически все антисенатские силы. Постепенно Цезарь перестает быть главой партии¹⁴, превращаясь в общенародного монарха, а его отношения с популярами становятся все более сложными¹⁵. Во-вторых, Т. Моммзен признает существование сил, не вписывавшихся в «двухпартийную схему», каковыми, например, является так называемая «партия капиталистов» или «партия материальных интересов», игравшая центристскую роль в политике и защищавшая интересы делового мира¹⁶, или движения различного рода радикальных сил (например, Клодия и Катилины), которых автор, явно модернизируя, именует анархистами¹⁷. Наконец, Т. Моммзен отмечает растяжимость грани между собственно оптиматами и популярами, когда переход из одной партии в другую означал лишь смену политической тактики¹⁸, а также наличие политических лидеров (напр. Помпея или Красса), идущих к личной власти путем лавирования между традиционными политическими силами¹⁹.

«Двухпартийная схема» господствовала в зарубежной историографии вплоть до 20–30-х гг. XX века, сохраняя известные пози-

---

⁹ Там же, Т. 2. С. 189–191.

¹⁰ Там же, Т. 2. С. 194–197.

¹¹ Там же, Т. 2. С. 246.

¹² Там же, Т. 2. С. 296–297.

¹³ Там же, Т. 3. С. 16–17; 66; 110–112; 136–138.

¹⁴ Там же, Т. 3. С. 309–321.

¹⁵ Там же, Т. 3. С. 315–319.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, Т. 3. С. 188.

¹⁸ Там же, Т. 3. С. 73.

¹⁹ Там же.

ции в дальнейшем и став особенно характерной для общих курсов и учебников. Впрочем, она подвергалась критике даже со стороны ее приверженцев, причем, одним из самых слабых пунктов оказалась как раз теория единой «партии популяров». Критика шла по двум направлениям: во-первых, за популярами отрицалось качество единой «партии», во-вторых, многие ученые выступали против отождествления популяров и демократов²⁰. Отмечалось, что античная «партия» была лишена многих атрибутов партии Нового и Новейшего времени – фиксированного членства, формы учета, и программных документов. Кандидаты на выборах были не «партийными кандидатами», а баллотировались от своего имени, тогда как римский сенат был аристократической корпорацией, связанной клановыми связями, а не «партийным» парламентом XVIII–XIX вв.

В начале XX века эти протесты приобрели качественный характер. На место теории Т. Моммзена приходит теория «личных партий» М. Гельцера и Ф. Мюнцера. В одной из своих ранних работ М. Гельцер отказался считать римское сенаторство и нобилитет единым социально-политическим целым и обнаружил среди них наличие слоев, имевших различную степень близости к политической власти, а следовательно, и разные уровни материального богатства и политического влияния²¹. Со времен появления этой работы в науке устанавливается четкое деление сенаторских семей на обычное сенаторство и нобилитет, потомков семей, достигших высшей магистратуры, консульства. В свою очередь, нобилитет можно разделить на две категории: первая из них включает относительно незнатные семьи, давшие лишь одного-двух консулов и быстро исчезнувшие из фаст, вторая состоит из аристократических кланов, регулярно дающих десятки консулов в разные периоды истории Рима²². Эта теория получила дальнейшее

---

²⁰ Нич К.В. История римской республики. М., 1908. С. 425; Holmes T. Rice. The Roman republic and the founder of the Empire. Oxford, 1923. V. 1. P. 173; Heitland W.E. The Roman republic. Cambridge, 1909; Ростовцев М.И. Рождение римской империи. Пг., 1918. С. 21–22.

²¹ Gelzer M. Regimentsfähigkeit und Nobilität der Römischen Republik. München, 1912. S. 21–29.

²² По нашим собственным подсчетам, из примерно 800 консульств 509–48 гг. до н. э. примерно половину занимали представители восьми патрицианских (Корнелии, Валерии, Фабии, Эмилии, Клавдии, Сервилии, Сульпиции, Юлии) и восьми плебейских (Фульвии, Цецилии Метеллы, Марции, Юнии, Семпронии, Лицинии, Клавдии Марцеллы, Аврелии)

развитие в трудах другого ученого, Ф. Мюнцера, вероятно, крупнейшего просопографиста первой половины XX столетия, убедительно показавшего непрерывающуюся борьбу за власть между различными кланами и группировками знати, распространившуюся и на время Гракхов и Мария²³. В 1921 г. в монографии «Caesar als Politiker und Staatsmann» М. Гельцер подробно высказал свою точку зрения относительно оптиматов и популяров, согласно которой оба термина можно применить только по отношению к конкретным политикам, но не в связи с политическими партиями или движениями. Сказанное особенно относится к популярам, которые, естественно, не могли считаться демократами и не стремились к каким-либо демократическим преобразованиям²⁴.

Теория М. Гельцера и Ф. Мюнцера одержала победу. Просопографические исследования стали неотъемлемой частью изучения гражданских войн и внесли в последнюю множество существенных поправок. В 30–50-е гг. новая «просопографическая теория» уже безраздельно господствовала в зарубежной историографии, а ученые этого периода (Г. Штрассбургер, Р. Сайм, Г. Афцелиус, Л.Р. Тэйлор и др.)²⁵, наверное, наиболее полно и последовательно отказались от концепции Т. Моммзена.

Г. Штрассбургер подверг анализу собственно термины *optimates* и *populares* и пришел к выводу о невозможности идентификации оптиматов и популяров с какими-либо политическими партиями, включая «партии» знати и народа²⁶. Не обозначая политические сообщества, оба слова могут относиться только к отдельным лицам, проводящим в жизнь определенную политическую тактику²⁷. Даже *optimates* является лишь неким собиратель-

---

родов. Даже в период 133–48 гг. около 70 % консульств занимали представители нобилитета.

²³ Münzer F. *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart, 1920. S. 257–270.

²⁴ Gelzer M. *Caesar als Politiker und Staatsmann*. Wiesbaden, 1960. 6 Aufl. S. 4; 11–12.

²⁵ Strassburger H. *Optimates* // RE. Bd. 36. Stuttgart, 1939. Sp. 792; 795; Syme R. *Roman revolution*. Oxford, 1939. P. 16–19; 43; Taylor L.R. *Party Politics in the age of Caesar*. Berkeley, 1949. P. 13–22; Scullard H.H. *Roman politics 230–150 B.C.* Oxford, 1951; Afzelius A. *Zur Definition der römischen Nobilität vor der Zeit Ciceros* // *Classica und Mediaevalica*. 7. 1945. S. 150–200.

²⁶ Strassburger H. *Optimates...*, S. 792.

²⁷ *Ibid.*, S. 792; 795.

ным термином, впрочем, демонстрирующим известное внутреннее единство. Что касается *populares*, то у них не было даже этого. Еще более решительно, чем М. Гельцер, Г. Штрассбургер отрицает любое отождествление популяров и демократов²⁸.

Еще более решительно идет по этому пути Р. Сайм, полностью отрицающий борьбу между оптиматами и популярами и ставящий на их место крупные политические группировки, создающиеся вокруг выдающихся лидеров. На место «партий» оптиматов и популяров приходят «личные партии» Гракхов, Мария, Суллы, Помпея, Цезаря и других политических руководителей. Эти группировки были весьма разнородными по составу и представляли собой аморфные и быстро распадающиеся личные клиентелы этих *principes civitatis*²⁹. Оптиматы были своего рода конгломератом некоторых из этих «личных партий», а популяры означали лишь отдельных политиков, объединенных тем, что они использовали для достижения своих целей (на самом деле – весьма различных) должность народного трибуна³⁰.

Несколько более осторожна позиция Л.Р. Тэйлор, считавшей возможным говорить о конфронтации оптиматов и популяров, лишь принимая во внимание личностный характер обеих группировок. И те, и другие были аристократами, оптиматы господствовали в сенате, а популяры, будучи отстранены от участия в управлении, использовали демагогию и критику существующей системы как орудия политической борьбы³¹. Почти все популяры были безразличны к демократическим преобразованиям и нуждам народа и преследовали собственные карьерные цели³². Наконец, и в той, и в другой «партии» решающее значение имели клановые и личные связи между знатными родами³³.

При всех различиях между взглядами этих ученых, можно отметить наличие общей позиции: все они отвергают факт существования в Риме двух борющихся политических партий, равно как и возможность «партийной политики» в античном мире. На их место ставятся всевозможные «малые», а иногда и крупные объединения, основанные, прежде всего, на родственных, клановых и

²⁸ Ibid., S. 795.

²⁹ Syme R. *Roman revolution...*, P. 16–19.

³⁰ Ibid., P. 18–19; 43.

³¹ Taylor L.R. *Party Politics in the age of Caesar...*, P. 13–21.

³² Ibid., P. 22.

³³ Ibid., P. 21–23.

клиентских связях преимущественно – личного характера. Термины *optimates* и *populares* не были обозначениями политических партий, будучи лишь собирательными понятиями, а популяры не были ни сторонниками демократии, ни силой, противостоящей «партии знати».

Концепция М.Гельцера и Ф. Мюнцера продолжала преобладать и в дальнейших исследованиях. Вместе с тем, начиная с 60-х гг., появляется ряд работ, которые, находясь в русле теории «личных партий», пытались найти «золотую середину» между ней и традицией Т. Моммзена. Ж. Эллегуар указывает на невозможность обнаружить в древности какой-либо эквивалент современным партиям и считает, что основой для создания политических объединений были личные связи и отношения. Впрочем, основой для создания этих группировок были не только личностные факторы. Рассмотрев всевозможные типы политических союзов, от кратковременных соглашений до устойчивых долговременных объединений, автор обнаруживает не только «клановую политику», но и политические интересы, основанные на сословиях и даже классовых факторах³⁴. Ж. Эллегуар согласен, что организационная структура оптиматов чем-то напоминает партию Нового времени³⁵, однако продолжает сохранять традиционное отношение к популярам, видя в них лишь совокупность политических лидеров и группировок, характеризующихся определенным политическим стилем³⁶. Римские популяры использовали поддержку народа в собственных целях, но не боролись за его интересы³⁷.

Сходные идеи содержатся в исследованиях Хр. Мейера, как в его фундаментальном труде «*Res publica amissa*» (1966), так и в большой статье «*Populares*» в энциклопедии Паули-Виссова, вероятно, являющимся самым значительным конкретным исследованием по интересующей нас теме. Хр. Мейер согласен, что политическая жизнь Рима в значительной степени определялась именно политическими факторами³⁸, а в олигархическом государстве, каким была Римская республика, «личное» и «политичес-

---

³⁴ Hellegouarc'h J. La vocabulaire latin des relations et parties politiques sous la republique. Paris, 1965. P. 5; 18–19; 427.

³⁵ Ibid., P. 441–447.

³⁶ Ibid., P. 503–510; 524–525.

³⁷ Ibid., P. 524–525.

³⁸ Meier Chr. *Res publica amissa*. Wiesbaden, 1966. S. 7.

кое» были фактически неотделимы друг от друга³⁹. Другим феноменом римского политического сознания эпохи гражданских войн было практически полное отсутствие программы преобразований у большей части (если не у всего) римского общества, включая популяров и другие круги оппозиции. Идеал общественного строя проецировался в прошлое, а *res publica* была единственным возможным способом существования, альтернативой которому было не иное политическое устройство, но полный распад государства и общества⁴⁰. Именно из этого сформулированного Цицероном постулата исходили все противоборствующие силы, стремившиеся не к изменению существующей системы, но к поиску в ней своего места⁴¹.

Все, сказанное выше, обусловило специфику римской политической и «партийной» жизни⁴². В обыденной повседневной политике действовало множество различного рода мелких «партий», пребывавших в хаотическом состоянии и создававшихся и распадавшихся в зависимости от конкретной ситуации⁴³. В силу этого обстоятельства даже «партия оптиматов» могла возникать и исчезать, когда группа самых влиятельных членов сената (особенно в период кризиса) выступала как единый политический блок, в целом продолжая оставаться весьма недолговечной и рыхлой⁴⁴. Создание крупных «личных партий» характерно, прежде всего, для времен собственно гражданских войн, однако они существовали в течение очень недолгого времени.

Тему популяров Хр. Мейер рассматривает в специальной статье. Автор признает наличие определенного политического стиля, характерного для этой группы политиков и выразившегося в совокупности лозунгов, принципов организации, политических методов и направленности законодательства. Это не означает, что они были единой политической партией, а термин *popularis* относится лишь к политику, пользующемуся этим набором методов и лозунгов. Объединенные единым политическим стилем, популяры были весьма разнородны по своим убеждениям: среди них были уме-

---

³⁹ Ibid., S. 7; 21; 163.

⁴⁰ Ibid., S. 58–59; 301.

⁴¹ Ibid., S. 156.

⁴² Ibid., S. 302.

⁴³ Ibid., S. 302.

⁴⁴ Ibid., S. 7; 21; 40; 163.

ренные и радикалы, аристократы и выходцы из народа, беспринципные карьеристы и люди, более или менее искренне верившие в возможность демократических перемен⁴⁵.

Американский исследователь Б. Тваймен, на наш взгляд, очень удачно разделил сторонников «просопографического направления» на две школы. Первая из них, школа М. Гельцера, отличается готовностью отдавать дань старым теориям и представлениям, тогда как вторая, школа Ф. Мюнцера, практически отрицает роль собственно «политических» факторов в римской политике, объясняя историю гражданских войн столкновением личных и клановых интересов⁴⁶. Второй подход доминировал в историографии 30–50-х гг. XX века, тогда как, начиная с 60-х гг. в науке преобладает подход М. Гельцера. Сам Б. Тваймен считает, что родовые клиентелы уже не играют никакой роли в политической жизни Рима эпохи Поздней Республики, а на их место пришли клиентелы нового типа, основанные на политической зависимости. Политик, претендующий на успех (хотел он того или нет) должен был привлекать на свою сторону народные массы, деловые круги и муниципальные элиты, а позже уже и вооруженные силы и города Италии и провинций⁴⁷.

Начиная с 60–70-х гг. XX века, многие ученые пытаются примирить теорию Т. Моммзена и концепцию «личных партий» (А. Астин, Е. Бэдиан, Р. Броутон, Э. Габба, Э. Груэн и др.)⁴⁸. Эта тенденция нашла свое отражение в двух крупнейших международных изданиях, «Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt» и «Cambridge Ancient History». Мы остановимся на двух статьях этих изданий, несомненно, носящих программно-установочный харак-

---

⁴⁵ Meier Chr. *Populares* // RE. Supplbd. 10. Stuttgart, 1965. S. 549–615.

⁴⁶ Twyman B. *The Metelli, Pompeius and Prosopography* // ANRW. T. 1. Bd. 1. Berlin – New York. 1972. P. 828–873.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 330.

⁴⁸ Astin A. E. *Politics and Policies in the Roman Republic* // Queens Univ. Belfast, 14, 1968; Badian E. *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford, 1958; 2) *Waiting for Sulla* // JRS. 1962. P. 47–61; Gabba E. *Mario e Silla* // ANRW. T. 1. Bd. 2. Berlin – New York. 1972. P. 764–801; Gruen E. S. *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C.*, Cambridge, 1968; 2) *Politics and courts in 104 B.C.* // *Historia*. 15. 1966. P. 32–64; Suolachti J. *The junior officers of the Roman Army in the Republican period. A study on Social structure* // *Ann. Acad. Scientiarum Fennica*. 97. 1955; 2) *The Roman censors. A study on Social Structure* // *Ann. Acad. Scientiarum Fennica*, 117. 1963.

тер, а именно – на статье Р. Броутона в ANRW и на главе I второго издания САН, написанной одним из редакторов 9 тома Э. Линтоттом⁴⁹.

Считая невозможным написание серьезного современного исследования без учета просопографического материала, Р. Броутон предостерегает от того, чтобы считать этот метод универсальной отмычкой к решению любой конкретной проблемы. Люди из одного клана могли оказаться по разные стороны политических баррикад, а личные связи далеко не всегда определяли взгляды политика. Э. Линтотт отмечает, что поддержка родственников, как правило, касалась ситуаций, когда под угрозой оказывалась личная безопасность человека (судебные процессы, разорение, угроза убийства и т. п.) и могла не распространяться на политические конфликты. Оба автора подчеркивают, что свои интересы имели не только отдельные политики или кланы, но и большие группы людей, объединенных по социальному признаку (всадники, плебс, армия, италийские союзники), а крупные политические конфликты имели в своей основе серьезные экономические и политические причины.

«Двухпартийная схема» весьма долго продержалась в советской историографии, а основой для ее сохранения был марксистский тезис о борьбе между крупной и мелкой собственностью, красной нитью проходящей через всю римскую историю. Теория борьбы оптиматов и популяров преобладала в исследованиях В.С. Сергеева и С.И. Ковалева⁵⁰. Так, С.И. Ковалев видел в движении Гракхов первую попытку осуществить в Риме демократическую революцию⁵¹. Партийная борьба продолжалась в период Югуртинской и Кимврской войн⁵² и снова завершилось в 100 г. разгромом Сатурнина и Главции⁵³. Наиболее острым это противостояние становится в 80-е гг., когда борьба марианцев и Суллы перешла в кровопролитную гражданскую войну, завершившуюся сулланской

---

⁴⁹ Broughton R. Senate and Senators in the Roman republic. The prosopographical approach // ANRW. T. 1. Bd. 1. Berlin – New York. 1972. P. 250–265; Lintott A. Sources and source problems // САН. Cambridge, 1994. P. 12–15.

⁵⁰ Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. I. С. 173; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. 2-е изд. С. 352–353.

⁵¹ Ковалев С.И. История Рима..., С. 352–353.

⁵² Там же, С. 369.

⁵³ Там же, С. 374.

диктатурой и полным разгромом демократических сил⁵⁴. Возрождение популяров началось после отмены сулланской конституции в 70 г. и завершилось в период консульства Цезаря (59 г.) и трибуната Клодия (58 г.)⁵⁵. Победа Цезаря отчасти была победой популяров, но ее итогом стала не демократия, а военная диктатура. Эта теория, в основном, перешла в последующую историографию, впрочем, претерпев значительную эволюцию в исследованиях Н.А. Машкина и будучи практически полностью отвергнута С.Л. Утченко.

Н.А. Машкин, вероятно, впервые в отечественной науке четко сформулировал тезис о том, что античная партия, не имевшая центрального аппарата, фиксированного членства и четкой программы, может именоваться «партией» лишь условно⁵⁶. Кроме того, отечественный исследователь выделяет классический период борьбы оптиматов и популяров, считая таковым время Гракхов и Сатурнина, и последующий период, когда эта борьба тесно переплетается с другими линиями конфликта и, прежде всего – с противостоянием могущественных политических и военных лидеров⁵⁷.

С.Л. Утченко решительно отказывается от «двухпартийной теории». Он еще более последовательно отвергает возможность применения понятия «партия» к римским политическим группировкам и считает возможным признать лишь существование двух идейно-политических течений, консервативно-аристократического и демократического, в рамках которых действовало множество «личных партий», основанных на фамильных и клиентских связях и прочих видах зависимости⁵⁸. Подвергнув тщательному анализу сами термины «оптиматы» и «популяры», отечественный ученый приходит к выводу, что ни один из них не может быть обозначением политической партии. Термины не являются противоположными понятиями и обозначают лишь определенные типы политика, также не являющиеся альтернативными⁵⁹.

---

⁵⁴ Там же, С. 396–398.

⁵⁵ Там же, С. 425–428.

⁵⁶ Машкин Н.А. Принципат Августа. М.–Л., 1949. С. 12.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Утченко С.Л. Кризис и падение римской республики. М., 1966. С. 17; 171.

⁵⁹ Там же, С. 171–172.

Заканчивая обзор историографии, мы можем определить круг вопросов, на которые попытаемся ответить. Существовали ли в Риме объединения, сходные с политическими партиями Нового времени, и, если нет, то что они из себя представляли? Можем ли мы признать, что в Риме боролись две политические партии, сената (нобилитета) и народа, и, если нет, то содержит ли «двухпартийная схема» какое-либо рациональное зерно? Преобладал ли в Риме принцип «личной партии» или объединения носили преимущественно политический характер? И, наконец, что обозначали термины *optimates* и *populares*, и можно ли говорить об их противопоставлении?

Наша статья будет посвящена лишь части этой темы, вопросу о *populares*, а потому мы рассмотрим некоторые конкретные вопросы, связанные именно с ними. Можно ли говорить о некоем едином стиле политики популяров, и в чем именно он состоял? Кто входил и кто не входил в число популяров, и была ли у них общая политическая программа? Имеются ли у популяров признаки современной партии и, наконец, были ли они демократической оппозицией сенатской партии?

Любое исследование целесообразно начинать с термина, причем, в данном случае мы можем опереться на несколько серьезных терминологических исследований. Это статьи «*Populares*» Хр. Мейера, «*Optimates*» Г. Штрассбургера и соответствующие разделы в трудах Ж. Эллегуара и «*Res publica amissa*» Хр. Мейера.

Слово *popularis* (*populares*) происходит от *populus* и, в отличие от *optimates*, используемого только как существительное, образует ряд производных: глагол *populare* (пассивная форма – *populari*), прилагательное *popularis*, наречие *populariter* и, наконец, существительное *popularis*, *populares*. Это обстоятельство дало основания С.Л. Утченко, очень полно исследовавшему оба термина, выдвинуть тезис о несопоставимости терминов *optimates* и *populares*, представляющийся нам достаточно искусственным⁶⁰. На наш взгляд, тот факт, что от одного названия партии можно легко образовать прилагательное, а от другого нет, вовсе не исключает возможности их конфронтации⁶¹.

⁶⁰ Там же, С. 173.

⁶¹ На наш взгляд, можно с таким же успехом говорить о семантической несопоставимости таких политических обозначений, как «лейбористы» и «консерваторы» (противопоставление «консерватизма» и «труда»), «демократы» и «республиканцы» (антитеза «демократии» и «республики») или «Единая Россия» и КПРФ. Между тем, все эти партии существуют в реальной политической жизни и находятся в оппозиции друг к другу.

Глагол *populare* (активная форма) означает «угождать народу» (Cic. Att., II, 20), а страдательная форма *populari* (Cic. Phil., I, 9, 21) – «быть угодным народу». Глагол очень редок, и, как и другие производные этого корня, используются только Цицероном, наследие которого, впрочем, составляет большую часть дошедшей до нас литературы эпохи гражданских войн. У Саллюстия «популярыв» нет, но у него встречается противопоставление нобилитета и плебса (*plebis vis*) (Sall. Iug., 41) и даже «народная партия».

Несколько необычно то, что понятие *optimates* встречается не только у Цицерона, но и у Веллея Патеркула (Vell., II, 3; 20; 40), Тита Ливия (Liv. Epit., 56; 79), Аскония Педиана (Asc. p. 21) и Светония (Suet. Iul., 1; 15; 19), тогда как популяры у этих авторов обычно не фигурируют. Заметим, однако, что упоминания *optimates* в литературе императорского времени также единичны и почти исключительно зависят от соответствующих определений Цицерона (Cic. Sest., 47, 101; 49, 104; de har. resp., 25, 54; Att., VIII. 16 1–2; IX, 5; 9, 1; 9a, 5; 11, 2).

Интересно прилагательное *popularis* (-ia, -ium). Словарь И.Х. Дворецкого дает большое число хотя и различных, но близких по смыслу значений: 1. отечественный, местный, туземный; 2. народный, принадлежащий народу; 3. популярный, пользующийся народной любовью, преданный народу; 4. простонародный, простой. Если ограничить слово политическим смыслом, останутся два основных значения: 1. народный, принадлежащий народу и 2. популярный, угодный народу, приятный народу. Чаще всего оба смысла синонимичны, но иногда Цицерон весьма искусно разделяет «угодное народу» и «полезное для народа»⁶².

Приведем несколько примеров. В 63 г. в речи «За Рабирию» Цицерон обрушивается с критикой на трибуна Т. Атия Лабиена, издевательски именуя его: *Popularis vero tribunus pl. defensorque iuris et libertatis* («Востину муж-популяр, защитник свободы и права»). Важнейшим принципом политики популяров была защита права гражданина апеллировать к народному собранию на смертный приговор. Предлагая казнить Рабирию и не дав ему эту возможность, Лабиен идет против принципов своей корпорации и не может считаться популяром, тогда как истинным популяром становится... сам Цицерон, защищающий жизнь и свободу подсудимого (Cic. Rab., 4, 12). Другой трибун этого года, Сервилий Рулл,

⁶² Латинско-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков. Под ред. С.И. Соболевского. М., 1949. С. 682.

предложил «благоприятный для слуха» (*iucundus*) и «угодный народу» (*popularis*) аграрный закон, который, на самом деле, не принесет людям никакого блага (*neque vero illa popularia sunt existimanda*), а потому Рулл не может быть «настоящим популяром» (*Cic. de l. agr.*, II 4, 10). Наконец, в знаменитой речи «За Сестия» Цицерон противопоставляет Клодия великим популярам прошлого, Гракхам и Сатурнину. Последние часто предлагали законы, угодные народу, но противоречащие интересам государства, по-своему заботясь и о том, и о другом и пользуясь народной поддержкой. Напротив, Клодий не думает ни о благе Рима, ни о благе простых людей и опирается не на народ, отказавший ему в поддержке, а на банды наемников (*Cic. Sest.*, 48, 103-50, 106). Конечно, противопоставление «истинных» и «ложных» популярных в речах Цицерона часто носит демагогический характер, однако сам факт подобного разграничения имеет объективную основу.

В политическом словаре прилагательное *popularis* сочетается с большим числом абстрактных и конкретных понятий. Среди них есть общие – *res, causa, vis, ratio, iactatio*, и конкретные – *petitio, verba, oratio*, причем, некоторые из них представляют особенный интерес. Особым образом следует отметить тот отрывок из трактата Цицерона «О государстве», где речь идет о демократии как форме государственного строя. «И вот, когда верховная власть находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство — царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов (*arbitrio optimatum*). Народной же (*civitas popularis*) (ведь ее так и называют) является такая община, в которой все находится в руках народа» (*Cic. De re p.*, I. 26, 42).

Тема государственного строя подробнее разбирается в другой статье⁶³. Сейчас отметим то, что *civitas popularis* означает демократическое государство, а отрывок содержит четкое противопоставление популярных и оптиматов как демократов и сторонников олигархической (или аристократической) форм правления. Говоря о демократии, Цицерон имеет в виду Афины, самое демократическое общество древности с наиболее развитыми демократическими институтами (*Ibid.*, I. 27, 43; 28, 44). Добавим, что оратор

⁶³ Егоров А.Б. Теория «смешанной конституции» Полибия в монографии К. фон Фрица // Теория смешанной конституции в античности. СПб., 2007. С. 3–17.

не считал демократией Рим, будучи создателем теории «смешанного строя» (Ibid., I, 29, 45).

Термины *res*, *causa* и *ratio* широко представлены в политическом словаре. Согласно Ж. Эллегуару, *causa*, слово, имеющее основное значение «причина», «мотив», в политическом словаре приобретает значение «интерес», а в юридической терминологии обозначает точку зрения, защищаемую в тяжбе, защиту одной из сторон и, наконец, собственно «сторону в деле», тем самым сближаясь со значением «партия»⁶⁴. Как полагает Ж. Эллегуар, *causa* – это люди, которых интересует данный вопрос, и действия, предпринимаемые для его защиты⁶⁵. Близким по значению оказывается слово *res*, часто синонимичное с *opes* и означающее «дело», в смысле некоего материального или идейного содержимого. Наконец, *ratio*, имеющее значение «счет», стало обозначать «расчет» и «политику», характерную для определенной группы. К этим обозначениям можно добавить *via* («путь», «дорога») и *iactatio* (одобрение). Так, в VIII Филиппике Цицерон обвиняет Фуфия Калена в том, что его образ мысли (*ratio*) не характерен для популяров и их идеологии (Cic. Phil., VIII, 6), а в «Бруте» пишет о поддержке «дела популяров» (*causa popularis*) оратором Крассом (Cic. Brut., 43, 160). В речи «За Сестия» в знаменитой характеристике оптиматов он говорит о «о пути и способах заниматься государственными делами» (*via et ratio rei publicae capessendae*), а в IV Катилинарии говорит, что Цезарь и его сторонники «идут по пути популяров» (*via popularia*) (Cic. Cat., IV, 5, 10).

Приведенные выше примеры показывают, что у популяров есть свои «мотивы» и «интересы» (*causa*), свое «дело» и «средства» (*res*) и собственная «политика» (*ratio*), а также – «дорога», которую они избрали. Помимо этих общих понятий, существует немало конкретных обозначений политического стиля⁶⁶. Ж. Эллегуар⁶⁷ и Хр. Мейер⁶⁸ считают общим обозначением этого стиля сочетание *per populum agere*, что также означает ведение дел в народ-

⁶⁴ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire... P. 92–94; 109–110.

⁶⁵ Ibid., P. 420.

⁶⁶ Meier Chr. Populares... Sp. 568–569.

⁶⁷ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire... P. 416–424. По мнению автора, слово *res* может обозначать политическую партию; *agere causam* выражает идею партии, а также – группу, собранную для защиты определенного дела или идеи; *res* – некую совокупность «дел» этой партии; а *ratio* – ее политику.

⁶⁸ Meier Chr. Populares... Sp. 569–570.

ном собрании и выступление перед этой аудиторией. *Popularis* может фигурировать с *actio* (Cic. *Rab.*, 5, 14), подразумевающим конкретные действия и мероприятия и *artes* (Cic. *Brut.*, 79, 273), т.е. способами воздействия на аудиторию и достижения своих целей. Сочетание с *verba* (Cic. *De off.*, II, 10, 35) подразумевает речи с особым содержанием и, возможно, особой формой произнесения и обращения, а *petitio* (Q. Cic. *Comm. pet.*, 13, 51) – определенную тактику предвыборных кампаний.

На наш взгляд, анализ использования прилагательного демонстрирует наличие вполне определенного идейно-политического течения, а, возможно, и некоего «партийного» объединения с определенной идеологией, совокупностью организационных форм и «стилем политики» и, наконец, со своими лозунгами и методами манипуляции массами. Даже если мы оставим вопрос о «партии», нельзя не признать наличие того, что Хр. Мейер именовал «политикой популяров» (*populare Politik*), проводимой определенными людьми и их объединениями⁶⁹. Установив наличие собственно «политики популяров», нам остается рассмотреть вопрос о людях, которых называют таким образом наши источники.

Существительное *popularis* обозначает политиков, придерживающихся этого стиля. В отличие от *optimates*, слово, действительно, как правило, фигурирует в единственном числе, обозначая отдельных лиц. Цицерон называет популярами Тиберия и Гая Гракхов (Cic. *Sest.*, 49, 105; *de har. resp.*, 20, 43-21, 44), автора избирательного закона 137 г. Л. Кассия Лонгина (Cic. *Sest.*, 48, 103), Апулея Сатурнина (Cic. *de har. resp.*, 20, 43-21, 44; *Sest.*, 49, 105), трибуна 88 г. П. Сульпиция Руфа (Cic. *de har. resp.*, 20, 43-21, 44), консула 120 г. Г. Папирия Карбона (Cic. *Brut.*, 27, 101), трибуна 74 г. Л. Квинкция (Cic. *Cluent.*, 77), трибуна 63 г. П. Сервилия Рулла (Cic. *de l. agr.*, II 4, 10). Популярами (во множественном числе) названа та часть сената, которая поддержала предложение Юлия Цезаря от отсрочки казни катилинариев на заседании сената 5 декабря 63 г. В числе *populares* оказываются другой трибун 63 г. Тит Лабий (Cic. *Rab.*, 4, 11) и трибун 58 г. П. Ватиний (Cic. *Sest.*, 53, 113), а также триумвиры (Cic. *Att.*, II, 19) и, наконец, сторонники примирения с Антонием в 43 г. и конкретно Кв. Фуфий Кален (Cic. *de domo*, 29, 77). Естественно, в числе популяров фигурирует самый крупный из деятелей позднего поколения, Публий Клодий (Cic. *Phil.*, VII, 2, 4; VIII, 6, 19).

⁶⁹ *Ibid.*, Sp. 584–595.

Этот список практически полностью совпадает с другим списком, составленным Хр. Мейером⁷⁰ и включающим в себя 38 человек. В него входят 5 гракханцев (Тиберий и Гай Гракхи, консул 125 г. М. Фульвий Флакк, консул 120 г. Г. Папирий Карбон и трибун 120 г. П. Деций), четверо трибунов времен Югуртинской войны (Г. Меммий, Г. Мамилий Лиметан, Г. Манлий Манцин и сам Марий) и шестеро союзников Сатурнина и Главции (сами Сатурнин и Главция, трибун 103 г. Г. Норбан, трибуны 99 г. С. Тиций и Л. Эквитий, объявивший себя незаконным сыном Гая Гракха, и, наконец, трибун 99 г. П. Фурий). Следующая большая группа популяров – это современники и (как правило) противники Цицерона, обычно бывшие трибунами 70–50-х гг. Среди них девять трибунов 70–60-х гг. (трибун 74 г. Л. Квинкций, трибун 73 г. Г. Лициний Макр, трибун 76 г. Г. Сициний, трибун 71 г. М. Лоллий Палликан, инициаторы законов о чрезвычайных полномочиях Помпея, трибун 62 г. А. Габиний и трибун 66 г. Г. Манилий, трибун 66 г. Г. Меммий, трибун 67 г. Кв. Цецилий Метелл Непот и трибун 60 г. Л. Флавий), пятеро клодианцев (сам П. Клодий, трибун 56 г. Г. Порций Катон и трое трибунов 52 г. (Т. Мунаций Планк, Кв. Помпей Руф и будущий историк Г. Саллюстий Крисп) и восемь сторонников Цезаря и триумвиров (трибуны 63 г. П. Сервилий Рулл, Т. Лабие и Т. Ампий Бальб, трибун 61 г. Кв. Фуфий Кален, трибуны 59 г. Г. Альфий Флав и П. Ватиний, трибун 56 г. Г. Требоний и трибун 50 г. Г. Скрибоний Курион).

Даже самый общий взгляд на оба списка дает возможность для предварительных выводов. Во-первых, популяры и их политика были теснейшим образом связаны с народным трибуналом. Почти все они были народными трибунами, предлагали реформы и апеллировали к народному собранию. Восходящий к эпохе борьбы сословий (популяры I века до н. э. прекрасно осознавали эту традицию) трибунал стал одним из главных механизмов проведения реформ, особенно тех, которые имели демократическую и популистскую направленность. Особое место в римской правовой и исторической традиции, особая связь с народом и трибунское вето превращали трибунов в некую «официальную оппозицию», в известной мере, обязанную запрещать наиболее непопулярные меры и думать, чем обернется для народа политика государства. Во-вторых, имеющаяся у нас просопографическая информация позволяет говорить о вполне последовательном и внутренне консолидированном движе-

---

⁷⁰ Ibid., Sp. 582–583.

нии и не подтверждает мнение о популярах как политиках-одиночках. Создается мнение, что термин *populares* имел не только собирательное значение, но обозначал некую общность, имеющую определенные внутренние связи. Наконец, списки популяров дают нам возможность обрисовать хотя бы общие контуры этого движения.

Эта история начинается с Гракхов, бывших, несомненно, самыми значительными представителями движения. Гракханская «партия» была уничтожена дважды: в 133, а затем – в 121 гг., однако во времена Югуртинской и Кимврской войн движение фактически возродилось заново, а Саллюстий считает месть за Гракхов одной из главных причин народного движения в период кампаний против Югурты и германцев (*Sall. Jug.*, 42). В 100 г. последовал новый разгром, уничтоживший Сатурнина и Главцию.

90-е гг. стали коротким периодом затишья, а в 80-е гг., годы тяжелой гражданской войны, популяры растворились в более широком марианском движении. Черту под этим новым движением популяров и их союзников подвел Сулла. Его жестокие репрессии и ультраконсервативные законы подвели черту и под «партиями» марианцев и популяров, и под всевозможными попытками реформировать римское общество. Возрождение популяров началось после смерти диктатора, оно существовало уже в 70-е гг., набирало силу в 60-е гг. и достигло кульминации в период консульства Цезаря (59 г.) и трибуната Клодия (58 г.). После разгрома клодианцев в 52 г., остатки различных группировок популяров сконцентрировались вокруг Цезаря. У нас немного информации, но трибуны этих лет, вероятно, имели между собой достаточно тесные связи, последовательно проводя в жизнь программу друг друга.

Сходную картину дает нам анализ общих высказываний античных авторов. В речи «За Сестия» Цицерон дает краткую историю популяров. Именно здесь он говорит о двух «родах» (*duo genera*) тех, кто «участвует в делах управления государством» (*versari in re publica*) (*Cic. Sest.*, 45, 96). Помимо значения «род» и «племя», *gens* имеет смысл «способ». В данном случае, этими *gentes* являются оптиматы и популяры. Последние хотят, чтобы все их слова и дела были угодны толпе, тогда как оптиматы стараются угождать «лучшим людям» (*Ibid*)⁷¹. Далее Цицерон ос-

---

⁷¹ *Qui ea, quae faciebant quaeque dicebant, multitudini iucunda volebant esse, populares, qui autem ita se gerebant ut sua consilia optimo cuique probarent, optimates habebantur.*

тавляет тему популяров и дает подробную характеристику оптиматов, стараясь показать их широким движением, в которое, помимо его аристократических лидеров, входят люди из самых разных слоев общества (всадники, жители муниципиев, простые римляне и даже вольноотпущенники) (Cic. *Sest.*, 45, 97-98). Оптиматы, защищающие устои государства, находятся в очень сложном положении: в обществе есть много людей, стремящихся к смутам и переворотам, от которых и следует защищаться. «Вооруженные силы и отряды, осаждающие государство, более многочисленны, чем защищающие его, так как чуть кивнешь дерзким и пропащим людям (*audaces et perditii*) – и они уже пришли в движение, да они даже и по совей охоте восстают против государства...» (Ibid., 47, 100). Можно согласиться с С.Л. Утченко, что эти враждебные оптиматам силы не названы популярами, а термин *gens* предполагает тип политика, а не политическую партию⁷². Более того, не будем возражать и в том пункте, где говорится об отсутствии конфронтации оптиматов именно с популярами, а под «дерзкими и пропащими» подразумеваются не только они. Все это верно, но даже *gens* имеет известное объединяющее значение, а все приведенные оратором конкретные примеры относятся именно к лидерам популяров (Cic. *Sest.*, 48, 102–50, 106).

Поименно Цицерон называет автора *lex tabellaria* Л. Кассия Лонгина, обоих Гракхов и Апулея Сатурнина (Ibid., 43, 103–104). Эти люди предлагали то, что было угодно народу, но наносило вред государству, а потому вызвало противодействие оптиматов (Ibid., 49, 104–105). Впрочем, если прежние популяры еще заслуживают известного сочувствия, поскольку они желали народу добра и пользовались его симпатией и уважением (Ibid., 49, 104–105), то «нынешние» (оратор, прежде всего, имеет в виду Клодия) не имеют ни добрых намерений, ни широкой поддержки в народе и опираются только на отряды наемников (Ibid., 50, 106). Та же мысль повторяется в речи «Об ответах гаруспиков», где Цицерон снова противопоставляет «старых популяров» (Гракхов, Сатурнина и Сульпиция) все тому же Публию Клодию (Ibid., 20, 42). Мы еще остановимся на теме «перерождения» популяров, сейчас же отметим, что хотя высказывания Цицерона, быть может, не дают достаточных оснований для конструирования «двухпартийной системы», они совершенно отчетливо обозначают противостояние

---

⁷² Утченко С.Л. Кризис и падение..., С. 158–163.

оптиматов и популяров как на теоретическом, так и на конкретно историческом уровнях.

Очень сходны два высказывания Саллюстия. Началом конфликта между народом и знатью (или народом и сенатом) стало разрушение Карфагена и исчезновение известного *metus hostilis* (Sall. Jug., 42, 2–3), однако настоящая конфронтация началась со времен Гракхов, которые ставили своей задачей «освободить плеб и раскрыть преступление кучки людей» (*vindicare plebem in libertatem et raucorum scelere paterfacere*). Об отличии первого этапа деятельности популяров от второго Саллюстий пишет столь красноречиво, что данный отрывок, вероятно, вообще не нуждается в комментариях: «Ибо, когда при консулах Гнее Помпее и Марке Крассе была восстановлена власть трибунов, молодые люди, дерзкие ввиду своего возраста и по складу ума, начали, достигнув высшей власти, своими обвинениями против сената волновать плебс... (2) С ними ожесточенно боролась большая часть знати (*plegaque nobilitas*) — под видом (*specie*) защиты сената, на деле ради собственного возвышения. (3) Ибо скажу коротко правду — из всех тех, кто с этого времени правил государством, под благовидным предлогом одни, будто бы отстаивая права народа, другие — наибольшую власть сената, каждый, притворяясь защитником общественного блага, боролся за собственное влияние» (*alii sicuti populi iura defenderunt, pars, quo senatus auctoritas maxima foret, bonum publicum simulantes pro sua quisque potentia certabant*) (Sall. Cat., 38).

Высказывания Саллюстия и Цицерона скорее свидетельствуют в пользу «двухпартийной схемы», нежели против нее. Мы четко видим если не единую «партию популяров», то хотя бы наличие определенной, весьма длительной традиции. Более того, мы не видим ни обилия разрозненных мелких партий, ни сколь-нибудь значительного разброда в лагере популяров. Как и в любой партии, здесь шла внутренняя борьба, были перебежчики, были и те, кто пытался использовать народ и его сторонников в личных целях. Наличие «разных» партий отчасти вызвано тем, что популярам, как минимум, трижды, пришлось возрождаться после практически полного разгрома — после гибели Гая Гракха в 121 г., после 100 г., когда сенат подавил движение Сатурнина, и после гражданской войны 83–82 гг., когда вся оппозиция, включая самих популяров, была практически уничтожена Суллой. Не следует преувеличивать аристократизм популяров — несмотря на то, что самые круп-

ные их лидеры (Гракхи, Г. Меммий, Клодий) вышли из нобилей, большинство людей, отмеченных в списке, были людьми незначительного происхождения и не достигли впоследствии высоких должностей. Что же касается «перерождения» популяров в 60–50-е гг., то оно во многом было следствием событий того времени и потребностей выживания. Наконец, в условиях сенатского господства, популяры были обречены на положение оппозиции, причем, оппозиции преследуемой.

В список популяров не входит большое число людей, близких к ним по взглядам и роду деятельности⁷³. Наши источники ни разу не называют популярами политиков умеренного толка из круга Крассов-Сцеволов, которые были тесно связаны с Гракхами, а позже – с кругом Ливия Друза и Сульпиция Руфа. В числе популяров не фигурирует Ливий Друз, а Сульпиций Руф упоминается в перечне «великих популяров» только в одной из речей Цицерона (*Cic. de har. resp.*, 20, 43). Знаменитые братья Аврелии Котты, Гай, Марк и Луций, не раз именуются популярами на страницах труда Т. Моммзена⁷⁴, но ни разу – в наших источниках. В списке популяров нет марианских лидеров, прежде всего – Цинны, Карбона, Сертория и Мария-младшего, а сам знаменитый победитель германцев именуется популяром лишь в редких случаях. Популярными никогда не названы Катилина и его сторонники, среди них нет и многих цезарианцев, и даже сам Цезарь назван популяром весьма редко и, как правило, применительно к ранним этапам карьеры (*Cic. Cat.*, IV, 9).

Наконец, последнее – посмотрим, кто же обычно противостоит популярам. Цицерон именует оптиматами противников Гракхов (*Cic. Sest.*, 49, 104) и Сатурнина, персонально называя Метелла Нумидийского и консула 102 г. Кв. Лутация Катулла (*Ibid.*, 47, 101). Список оптиматов продолжают авторы императорского времени. Здесь опять-таки появляются противники и убийцы Тиберия Гракха (*Liv. Epit.*, 58; *Vell.*, II, 3), противники Цинны и Мария, прежде всего, Октавий и Метелл Пий (*Liv. Epit.*, 79–80; *Vell.*, II, 20), противники триумвиров и помпеянцев и, прежде всего – Катон (*Suet. Iul.*,

⁷³ Ливий также называет популярными некоторых деятелей времен борьбы патрициев и плебеев – Прокула Вергиния, Т. Эмилия, М. Манлия Капитолийского и консула 223 и 217 гг. Гая Фламиния (*Liv.*, II, 47; III, 1; II, 20; *Cic. Acad.*, II, 13). Борьба патрициев и плебеев, действительно, имеет немало общих точек соприкосновения с эпохой I в. до н. э.

⁷⁴ Моммзен Т. История Рима..., Т. 3, С. 15–16.

11; 15; 19; Vell., II, 40; 47). В списке нет ни Суллы, ни Помпея, выступавших во главе более широкой коалиции. Так или иначе, сопоставление списков популяров и оптиматов совершенно определенно показывают, что эти две группы были политическими противниками.

Анализ предыдущего списка также позволяет сделать некоторые выводы. Популяры были лишь частью той широкой оппозиции, в которую входили умеренные центристы, демагоги, популисты и другие политики, имевшие как принципиально-идеологические, так и чисто личные основания для вражды к оптиматам. Сложными были и отношения популяров с крупными политическими лидерами, объединившими разнообразные силы оппозиции с военной силой. Для Мария, Цинны, Цезаря или Марка Антония популяры были лишь частью их многочисленных сторонников. Методы, лозунги и поддержку популяров использовали такие деятели, как Помпей, Красс или Катилина. Помпей часто использовал трибунов-популяров для проведения нужных ему законов, Красс финансировал различные силы оппозиции, включая Цезаря, Катилину и Клодия, катилинарии пытались вступить с ними в союз. Даже оптиматы, включая Катона, использовали методы их агитации, а Цицерон временами именовал себя «истинным популяром».

Сказанное выше вроде бы подтверждает мнение тех исследователей, которые склонны видеть в движении популяров лишь определенную политическую тактику. Тем не менее, кроме тактики, у них была и вполне определенная программа.

1. Экономические преобразования. Первым экономическим законом популяров был знаменитый аграрный закон Тиберия Гракха, целью которого была массовая раздача земли неимущим гражданам за счет изъятия ее у богатых землевладельцев. Вероятно, главной целью Гракха было возрождение римской армии, основой которой были мелкие земельные собственники. Впрочем, работа аграрной комиссии, ставшая, вероятно, основным направлением деятельности популяров в 133–123 гг., была направлена и на серьезные экономические преобразования: экономическое поддержание основной массы граждан, развитие мелкой и средней собственности и сохранение в обществе относительного равновесия. Закон Тиберия, видимо, был продолжен аграрным законом Гая Гракха, после чего комиссия работала до 119 г., а конец земельных переделов приходится на 111 г. и принятие закона Тория.

Уже Гай Гракх пытался вывести процесс колонизации за пределы Италии. Он планировал вывод колонии Юнонии на месте бывшего Карфагена. Апулей Сатурнин предложил вывод колоний в Африку и южную Галлию, а его новшеством стало превращение гражданской колонизации в ветеранскую, что стало результатом союза популяров с Марием. В 91 г. аграрный закон предложил Ливий Друз.

Аграрное законодательство популяров прервали гражданские войны 80-х гг. и диктатура Суллы, но когда движение вновь обрело силу, они вернулись к прежним проектам. В 63 г. популяр Сервилий Рулл предложил масштабный аграрный закон, в числе разработчиков которого были Цезарь и Красс. В 60 г. трибун Л. Флавий попытался возродить ветеранское землевладение, на сей раз действуя в интересах Помпея и его армии, а в 59 г. еще более крупномасштабный закон Юлия Цезаря начал новую аграрную программу, продолженную после победы в гражданской войне. Цезарь, а затем – вторые триумвиры и Август поставили эту политику на более высокий уровень: огромное число ветеранов Цезаря получили земли в Италии, в провинциях появилось 80.000 военных и множество «стихийных» колонистов, при Августе землю получили сотни тысяч отслуживших ветеранов. Мелкая и средняя собственность были во многом восстановлены, принципат выполнил и перевыполнил программу популяров в этом важнейшем вопросе.

Гай Гракх сделал важное дополнение к аграрной программе, не учитывавшей роста городского населения, уже никак не связанного с землей. Его хлебный закон (*lex frumentaria*) предполагал продажу хлеба неимущему населению по сниженным ценам. В 100 г. хлебный закон предложил Сатурнин, в 91 г. – Ливий Друз. В 81–80 гг. Сулла отменил хлебные раздачи, а вопрос об их восстановлении стал одним из центральных пунктов программы популяров после смерти диктатора. В 73 г. они были частично восстановлены, а в 58 г. Публий Клодий провел закон о бесплатных раздачах (*Cic. Sest.*, 35, 55). Цицерон считал, что Рим потерял на этом около 1/5 доходов, а в 56 г. разразился продовольственный кризис. Цезарь сократил число получателей и упорядочил сам процесс раздачи, однако традиция сохранилась вплоть до конца существования Западной Римской Империи.

На этом экономические преобразования популяров практически исчерпывались. В числе прочего можно назвать серию не вполне удачных мероприятий в провинции Азия. В 133 г. Тиберий Гракх

добился использования казны Атталидов на нужды реформы, что стало толчком к восстанию Аристоника, а в 123 г. Гай Гракх отдал налоги с провинции на откуп компаниям публиканов, чем обрек ее на длительное ограбление. В 59 г., желая привлечь деньги публиканов, Цезарь снизил суммы выкупа на 1/3. Впрочем, позже Империя отказалась от откупной системы, и положение провинциалов значительно улучшилось.

2. Интерес популяров к развитию откупной системы был во многом вызван не экономическими, а политическими соображениями. Уже со времен Гая Гракха они пытаются заручиться поддержкой сильного всаднического сословия и сделать его противовесом власти сената. Особую роль среди всадников играли богатые деловые и финансовые круги, центральное место среди которых занимали откупщики, публиканы. Стремление привлечь на свою сторону всадников имело еще одно последствие – реформу судов и попытку создать независимую от власти судебную систему.

В 123/2 гг. судебный закон Гая Гракха создал независимые от сената всаднические суды по вопросам о вымогательствах, в 106 г. Сервилий Цепион вернул суды сенату, а в 104 г. Главция восстановил систему Гая Гракха. Сулла вернулся к сенатским судам, а в 70 г. популяры провели закон Аврелия Котты, согласно которому суды стали смешанными и состояли (в равных пропорциях) из сенаторов, всадников и т. наз. эрарных трибунов. Этот закон стал символом политического компромисса, а во время своей диктатуры Цезарь модифицировал систему, оставив только сенаторов и всадников. Заметим, что римляне стремились не столько создать независимую судебную власть, сколько обеспечить всадникам паритет в управлении.

3. Другим направлением деятельности популяров была борьба за повышение роли народного собрания. В чисто правовом плане комиции всегда стояли выше сената и магистратов, тогда как в реальной жизни именно сенат был реальным и фактически бесконтрольным правительством, которому безоговорочно подчинялась разветвленная магистратская система. Начиная со 139 г. популяры вводят а политическую жизнь Рима принцип тайного голосования. По закону Габиния (139 г.) тайное голосование стало использоваться при выборах, в 137 г. Л. Кассий Лонгин распространил его на рассмотрение дел о смертной казни и других наказаниях граждан, а в 131 г. гракханец и популяр Г. Папирий Карбон предложил ввести тайное голосование при прохождении законов.

Комиции попытались установить контроль над деятельностью магистратов. Первым шагом в этом направлении было смещение трибуна Октавия в результате народного голосования. Гай пытался узаконить эту практику и провести закон о том, что лицо, смещенное со своей должности народом, уже не имеет права занимать другие должности (Plut. G. Gr., 4), а в 119 г. Гай Марий, будучи трибуном, провел закон о выборной процедуре.

Новый этап борьбы начался после смерти Суллы. Сулланское законодательство ликвидировало все достаточно скромные завоевания римской демократии. Право трибунов было ограничено даже по сравнению с догракханским временем. На протяжении всех 70-х гг. это делали трибуны-популяры (Гн. Сициний – в 76 г., в 74 г. – Л. Квинций, в 73 г. – Г. Лициний Макр). В 75 г. консул Г. Аврелий Котта провел закон, разрешивший трибунам занимать другие должности. Эта переходящая из года в год борьба против сулланских законов показывает, что она не могла вестись одиночками, а исполнявшие должность трибуна передавали эстафету своим преемникам.

В 68 г. народный трибун Гай Корнелий, один из немногих «независимых» популяров блокировал право сената отменять законы комиций или, точнее, принимать сенатусконсульт, противоречащий закону народного собрания. Подобная практика, естественно, была незаконной, но распространилась достаточно широко (Asc., p. 50–51; 63–64). В 59 г. Цезарь провел уникальный для Рима закон о гласности, потребовав обязательной публикации протоколов и решений сената и комиций, а в 58 г. Публий Клодий запретил отмену решений народного собрания под религиозными предлогами, т.е. на основании ауспий и неблагоприятных знамений (Cic. post red. in sen., 11; Sest., 33; 55–56; Phil., II, 81).

Политическая программа была, наверное, самой слабой частью программы популяров. Рим не был демократией и не мог ей стать, а моделью общества было не полномочие народа, как это было в Афинах, но поддержание системы равновесия властей. В отличие от афинских демократов, ставших «партией власти», популяры были обречены оставаться оппозицией. Со времен подавления движений Гракхов, а затем – Сатурнина, и особенно после кровавой сулланской реставрации, популяры постоянно находились в обороне. Именно об этом Саллюстий говорит устами выдающегося историка и оратора, трибуна 73 г. Лициния Макра. «И я хорошо знаю, сколь великие силы знати я один, не обладающий влас-

тью, располагая лишь видимостью магистратуры, берусь лишить господства... (4) Но помимо своей надежды на вас, победившей мои опасения, я установил для себя правило, что для храброго мужа проиграть сражение за свободу лучше, чем вообще за нее не сразиться... (28) Так сражаются и побеждают в интересах нескольких человек. Напротив, что бы ни случилось, народ считается побежденным и с каждым днем все более и более будет им, если та сторона будет удерживать господство с заботой большей, чем вы — требовать возвращения себе свободы» (Sall., Hist. or. Macri).

4. Популяры защищали права человека. Гай Гракх предложил закон и провокации (Plut. G. Gr., 6), возможно, впервые в истории римского законодательства установив не только право обвиняемого на обращение к народу как к высшему апелляционному суду, но и судебную ответственность магистрата, который пытался этому помешать. Из декларированного права закон стал реальностью, защищенной юридической санкцией. В 63 г. Юлий Цезарь защищал это право во время обсуждения дела катилинариев (Sall. Cat., 51).

Популяры поддержали и другой принцип — распространение прав римского гражданства на негражданское население. Именно они первыми предложили предоставить гражданство италийским союзникам: в 125 г. это сделал Фульвий Флакк, а в 122 г. — Гай Гракх. В 91 г. это сделал Ливий Друз. Хотя в этом вопросе огромную роль сыграли умеренные круги (Ливий Друз и Л. Юлий Цезарь), дело все же довершили популяры. В 88 г. Сульпиций Руф впервые предложил распределить италиков по всем 35 трибам, в 87 г. это же предлагал Цинна. В 86 г., во время марианской диктатуры, был проведен первый ценз с учетом «новых граждан», а первый настоящий общеиталийский ценз был одной из составных частей революции 70 г. Эта политика имела большое будущее, новой ступенью ее развития стала «правовая революция» Цезаря, положившая начало распространению гражданства в провинциях.

5. Более слабым в борьбе с оптиматами популярам были особенно необходимы союзники. Ими становились всевозможные оппозиционеры, умеренные и радикалы, полукриминальные круги катилинариев и уважаемый кружок Крассов-Сцевола, одиночные оппозиционеры и беспринципные карьеристы. Основной силой в такого рода альянсах были выдающиеся военно-политические лидеры, а потому популяры все больше и больше превращались в их помощников. В ряде случаев их действия были выз-

ваны не только «партийными интересами», но и заботой о государственных интересах, борьбой против коррупции, некомпетентного военного командования и гражданского управления, а также против произвола и некомпетентности властей.

Осудить высокопоставленного оптиматского лидера, даже очевидно виновного, было крайне трудно. В 120 г. трибун П. Деций привлек к суду Л. Опимия, однако, вопреки полной очевидности состава преступления, палач гракханцев был оправдан. В 111–110 гг. популяры обеспечили эффективное ведение войны и осуждение виновников поражения в Югуртинской войне, в 103 г. той же участи подверглись виновники разгромов римской армии в войне с германцами. Центральной фигурой этих процессов стали Кв. Сервий Цепион, один из лидеров оптиматской «партии».

Именно от популяров исходили многочисленные инициативы о назначении на высокие посты крупных военачальников. Эти предложения имели двойные последствия: во-первых, они, как правило, способствовали повышению эффективности командования, а во-вторых, давали огромную власть в руки полководцев, пользовавшихся симпатиями народных масс. Трибуны-популяры сыграли немалую роль в формировании чрезвычайных полномочий Мариа, Помпея или Цезаря, способствуя установлению их единоличной власти. В 107 г. Т. Манлий Манцин провел закон о предоставлении Марию командования о войне с Югуртой (Sall. Jug., 73), а в 88 г. Сульпиций Руф пытался передать ему командование в Митридатовой войне. Помпей получил чрезвычайные полномочия в войне с пиратами и Митридатом на основании законов, предложенных трибунами-популярами, Габинием и Манилием. В 59 г. Юлий Цезарь провел через сенат решения об утверждении распоряжений Помпея в восточных провинциях, которые тот тщетно пытался ратифицировать, начиная с 62 г. В 59 г. по закону Ватиния Цезарь получил командование в Галлии, а в 55 г. другой популярь, Г. Требоний, провел закон о чрезвычайных полномочиях Помпея и Красса.

Все, сказанное выше, позволяет сделать общие выводы. Естественно, римские популяры отличались от современной политической партии с ее партийным аппаратом, программой, фиксированным членством и жесткой субординацией. Заметим, однако, что многих атрибутов современной партии не было и в XIX веке, когда партийная жизнь Нового и Новейшего времени только начала формироваться. Вместе с тем, популяры имели ряд существенных признаков, характерных для политической партии или дви-

жения, причем, в данном случае поиск точного термина скорее усложняет картину, чем делает ее более ясной. У популяров была достаточно четкая программа, в основном выработанная уже при Гракхах и сохранявшаяся, несмотря на ряд последовательных разгромов движения. Мы видим у них то, что римляне называли *partium studium*, стремление к выполнению собственных целей. У постоянно уничтожаемых и возрождающихся популяров существовала партийная и личностная преемственность и, несомненно, весьма прочные личные связи, когда трибуны один за другим последовательно возвращались к программе предшественников. Более сильным клановым связям аристократии популяры противопоставляли политическую преемственность, а основная их масса была значительно ближе к народу, чем это может показаться многим противникам «двухпартийной схемы».

Популяры, действительно, были достаточно разнородны по составу. Хр. Мейер справедливо полагает, что среди них были искренние демократы и демагоги, умеренные и радикалы, люди, сочувствующие народным массам и откровенные популисты. Их, наверное, трудно считать демократами в греческом смысле слова, но и Рим не был Афинами. Едва ли популяры всерьез рассчитывали превратить свое государство в демократическое, но это еще не является основанием для полного отрицания их демократизма. Не следует преувеличивать и «карьеризм» популяров. Они были более слабой стороной, находились в оппозиции и имели мало шансов прийти к власти. Популяры скорее находились «в обороне», борясь за сохранение «конституционных» демократических норм, которые не соблюдались правящей олигархией или откровенно ей нарушались. Это был один из тех случаев, когда оппозиция скорее боролась не за изменение законодательства (хотя имело место и это), но за то, чтобы заставить власть соблюдать ее же собственные законы. Последнее, однако, является не столько признаком «умеренности» или «неполноценности» и того, что этого «демократизма» было недостаточно, сколько показателем элементарной политической слабости. Популяры не были единственной оппозицией оптиматам – они явно были лишь ее частью.

Судьба большинства этих политиков была трагична, и это есть сильный аргумент против утверждений о стремлении популяров исключительно к карьерной выгоде. Их ожидали репрессии и проскрипции, судебные процессы и политические убийства, внесудебные расправы и клеветнические пропагандистские кампании. Про-

тивник был вынужден считаться с их наличием, но едва ли в полной мере признавал их право на существование.

Движение популяров достигло кульминации в ранний период, и мнение Н. А. Машкина о «классическом» периоде движения заслуживает особого внимания. В 133 г. погиб Тиберий Гракх, жертвами внесудебной расправы стало около 300 человек. В 121 г. разгром движения Гая Гракха стоил жизни 3000 его сторонников. Вместе с Гаем погиб самый высокопоставленный популяр «первой волны», консул 125 г. М. Фульвий Флакк. Сложной была судьба народного трибуна 131 г. Г. Папирия Карбона, бывшего последователем Гракхов и членом аграрной комиссии. В 121 г. он перешел на сторону оптиматов, стал консулом 120 г. и был вынужден защищать Опимия. Несмотря на это, судебные процессы следовали один за другим: в 129 г. его обвиняли в убийстве Сципиона Эмилиана (*Cic. De or.*, II, 170; *Fam.*, IX, 21, 3), а в 119 г. – в вымогательствах. На сей раз Карбон был осужден на изгнание и покончил с собой (*Cic.*, *Brut.*, 103). Его племянником был соратник Цинны, лидер марианцев и консул 85, 84 и 82 гг., казненный сулланцами после гражданской войны. Обвинитель Опимия П. Деций позже был обвинен в подкупе (*Cic. De or.*, II, 132; 134; *Liv. Epit.*, 69) и, возможно, оправдан, т. к. в 115 г. он был претором. Более о Деции ничего не известно.

Из четырех трибунов-популяров времени Югуртинской войны мы ничего не знаем о дальнейшей биографии Г. Манлия Манцина, трибуна 107 г. и председателя комиссии по расследованию Г. Мамилия Лиметана. Сам Гай Марий, стал главой антисенатской коалиции, победителем кимвров и тевтонов и консулом 107, 104, 103, 102, 101 гг. Этот «принципат Мария» кончился в 100 г. после его шестого консульства и подавления движения Сатурнина. В 88 г. он был изгнан после сулланского переворота, вернулся вместе с Цинной, стал консулом 86 г. и умер во время этого седьмого консульства в тревожной обстановке ожидания Суллы (*Plut.*, *Mar.*, 43). По-иному сложилась судьба Г. Меммия, трибуна 111 г., члена комиссии Лиметана и, вероятно, самого крупного из популяров этого периода. В 102 г. Меммий был претором, а в 100 г. баллотировался в консулы, соперничая с другим лидером популяров Сервилием Главцией, и был убит (*Cic. Cat.*, IV, 4; *Cic.*, *Brut.*, 136; *Liv. Epit.*, 89; *App. V. C.*, I, 32). Похоже, что он был первым популяром, ставшим жертвой «своих».

Более драматична была судьба сторонников Сатурнина и популяров и реформаторов 90–80-х гг. Трое из шести популяров-сто-

ронников Сатурнина из списка Хр. Мейера (Сатурнин, Главция и лже-Гракх, Л. Эквитий) погибли во время расправы 100 г. Народный трибун 103 г. Г. Норбан стал одним из марианских лидеров. В 83 г. он был консулом, участвовал в гражданской войне 83–82 гг. и был поставлен Суллой во главе проскрипционного списка (*Liv. Epit.*, 89; *App. V. C.*, I, 32). Трибун 99 г., П. Фурий, был растерзан толпой за то, что протестовал против возвращения Метелла Нумидийского (*App. V. C.*, I, 33), а его коллега по трибунату, С. Тиций, был отправлен в ссылку за то, что хранил в доме изображения своего друга Сатурнина (*Cic. Rab.*, 24; *de or.*, II, 48). Жертвой политического убийства был трибун 91 г. Ливий Друз, а народный трибун 88 г. Сульпиций Руф стал жертвой военного переворота Суллы. В конце 80-х гг. все бывшие и новые популяры и их союзники стали жертвами сулланского террора.

На первый взгляд, может показаться, что трибуны 70–50-х гг. действовали в более спокойной обстановке. Это скорее впечатление, чем реальность. Мы не знаем о судьбе Г. Сициния, первого трибуна, поставившего вопрос об отмене сулланских реформ, но Саллюстий пишет о его «устранении» (*circumventus*) (*Sall. Hist.*, III, 48, 5). Трибуну 74 г. Л. Квинкцию, вероятно, повезло несколько больше, в 68 г. он занял претуру. Драматичной была судьба одного из идеологов движения, Г. Лициния Макра. В 68 г. Макр стал претором, а в 66 г. был обвинен в вымогательствах и оправдан (*Cic. Att.*, I, 4, 2). Впрочем, вскоре Макр умер, а, возможно, даже покончил с собой.

Автор антипиратского закона Авл Габиний дошел до самых высот римской иерархии. В 65 г. он стал легатом Помпея, в 58 г. получил консульство, а в 57–55 гг. был проконсулом Сирии, подавил ряд восстаний в Иудее и восстановил на троне Египта Птолемея Аулета. Это необычная для популяра политическая карьера закончилась в 54 г., когда Габиний был одновременно обвинен в оскорблении величия (*maiestas*), вымогательствах и подкупе избирателей (*ambitus*). Итогом было изгнание, из которого Габиний вернулся только в 49 г. благодаря Цезарю (*Cic. Att.*, X, 8, 3). В 48–47 гг. он действовал как легат последнего в Иллирике, где и умер от болезни (*V. Alex.*, 42–43). Политическая биография трибуна 66 г. Г. Манилия была гораздо короче – в декабре 66 г. его обвинили в вымогательствах (*Plut. Cic.*, 9), а затем и в оскорблении величия (*maiestas*), после чего трибун-популяр отправился в изгнание. Гай Меммий, сын или внук знаменитого популяра, отошел от движе-

ния и в 59 г. начал выступать против Цезаря (Cic. Att., II, 12, 2), в 58 г. стал претором, а в 57 г. был пропретором Вифинии. В 54 г. Меммий сближается с Цезарем и баллотируется в консулы, опираясь на его поддержку. Стать консулом ему не удалось, а в 52 г. Меммий был осужден по обвинению в подкупе избирателей. Трибун 67 г. Гай Корнелий, один из немногих по-настоящему независимых популяров, был обвинен в оскорблении величия (Asc. p., 50-51) и, хотя бывший трибун был оправдан, его деятельность реформатора прекратилась. После 63 г. мы ничего не слышим о Сервилиии Рулле.

Итак, в 70–60-х гг. репрессии против популяров продолжались, приняв более «легитимную» форму. Уцелели только те, кто вовремя покинул лагерь «народной партии». Трибун 62 г. Кв. Цецилий Метелл Непот вернулся в лоно семьи и стал консулом 57 г., а трибун 60 г. Л. Флавий оставался сторонником Помпея, стал претором 58 г. и участвовал в гражданской войне 49–45 гг. в качестве легата Помпея, после чего, вероятно, сдался цезарианцам (Cic. Sest., 53, 113–114).

Поворот наступил в 52 г., когда помпеянцы и оптиматы отошли от «политкорректных» методов борьбы и встали на путь Суллы. В январе 52 г. после случайного (?) столкновения на Аппиевой дороге со своим смертельным врагом Т. Аннием Милоном, погиб самый значительный популар этого времени П. Клодий Пульхр. Смерть Клодия спровоцировала беспорядки, после которых Помпей стал консулом «без коллеги». Началась серия процессов, фактически уничтоживших «партию популяров». Остатки клодианцев, катилитариев, независимых популяров и других оппозиционеров бросились под защиту Цезаря и его галльской армии.

Жертвами репрессий стали все трибуны 52 г., поддержавшие обвинение против Милона. Т. Мунатий Планк был осужден по закону о насилии (Plut. Pomp., 55; Cato min., 48; Cic. Fam., VII, 2, 2) и вернулся из изгнания после победы Цезаря. Кв. Помпей Руф был обвинен и осужден сторонниками Цицерона (Dio, 40, 55), а будущий историк Г. Саллюстий Крисп «отделался» исключением из сената за «аморальное поведение». Только Г. Порций Катон оправдался благодаря поддержке Помпея (Cic. Att., IV, 15, 4). Как правило, популяров обвиняли в «оскорблении величия римского народа» (*maiestas populi Romani*), что еще раз подчеркивает политический характер этого движения. Частыми были обвинения в насилии (*de vi*), подкупе избирателей (*ambitus*) и (что более любо-

пытно) – в вымогательствах (*repetundae*). Для последнего у них не было особых возможностей. Даже нарушения супружеской верности и другие сексуальные преступления стали некоей «прерогативой» популяров, изображаемых во враждебной традиции как нарушители традиционного порядка. В 62 г. Клодий с большим трудом избежал обвинения в святотатстве, а семейство трибуна (он сам и его три сестры) стали римским «гнездом разврата». Одной из причин осуждения Меммия были его попытки завести роман с Корнелией, дочерью Метелла Сципиона, которой как раз предстояло стать пятой женой Помпея. Саллюстий пострадал за связь с женой Милона Фаустой, дочерью самого Суллы.

Лагерь Цезаря становился спасительной гаванью, куда стекались остатки разгромленных популяров. В 49 г., после победы в Италии, Цезарь вернул всех изгнанников. Среди них были Габиний и Меммий, Мунатий Планк и исключенный из сената Саллюстий. Другие популяры уже с самого начала связывали себя с племянником Мария. Т. Атий Лабиев, трибун 63 г., был активным помощником Цезаря в «деле Рабирия». С 58 г. он стал легатом Цезаря в Галлии и был его правой рукой на протяжении всей кампании 58–50 гг. Трибун 61 г. Кв. Фуфий Кален был одним из ведущих легатов будущего диктатора в гражданской войне 49–45 гг., трибун 55 г. П. Ватиний также был легатом Цезаря, играя роль его «политического офицера», и стал консулом 47 г. Трибун 55 г. Г. Требоний занимал пост легата Цезаря с 54 по 45 гг. Легатом Цезаря был брат Планка, Луций. Молодой трибун 50 г. Г. Скрибоний Курион защищал «дело Цезаря» в самые критические моменты его противостояния с Помпеем, в 49 г. он занял видное место в окружении полководца и погиб в Африке. Трибун 59 г. Г. Альфий Флав присоединился к Цезарю после начала гражданской войны.

В смертельной схватке гражданской войны 49–45 гг. популяры сражались на стороне Цезаря. Это был непростой выбор, вызванный как тем, что только в его армии они могли чувствовать себя в безопасности, так и тем, что бывший популяр и племянник Мария заимствовал и продолжил некоторые пункты их программы. Судьбы уцелевших популяров показывают сложность ситуации. Многие из них (Габиний, Курион, Кален, Ватиний) верой и правдой служили Цезарю, переродившись из «демократов» в помощников и офицеров будущего диктатора. Впрочем, некоторые отошли от него. Загадкой является поведение ближайшего к Цезарю и, несомненно, наиболее значительного из легатов Галльской армии Т. Атия

Лабиена. В 49 г. он перешел на сторону Помпея и обратил свои, несомненно, выдающиеся дарования против бывшего командующего. В 48 г. Лабием командовал конницей при Фарсале, в 46 г. в Африке фактически командовал конницей помпеянцев и нумидийцев, а в 45 г. опять-таки де-факто был командующим армией помпеянцев в Испании и пал в битве при Мунде. Что было причиной его действий: личная приверженность Помпею, «республиканские взгляды», неудовлетворенность бывшего популяра или оскорбленные амбиции бывшего ближайшего помощника Цезаря – этот вопрос, вероятно, так и останется без ответа. Саллюстий Крисп, ненавидящий нобилитет, возможно, стал разочаровываться и в цезаризме, некоторые популяры, как Меммий, отошли от политики. Гай Требоний, легат Цезаря в галльских (с 54 г.) и гражданской войнах стал одним из главных участников заговора. Наконец, радикальные традиции Клодия продолжали сохраняться в движении Амация.

Одним из критериев наличия в обществе свободы и демократии является положение оппозиции и инакомыслящих, их возможность влиять на принятие политических решений или, по крайней мере, делать свою точку зрения известной. Чисто внешне популяры имели возможность делать и то, и другое, однако никто не гарантировал им безопасность от судебного процесса и клеветнической кампании, равно как и от погрома или политического убийства. Целые группы популяров (гракханцы, сторонники Сатурнина, популяры 80-х гг.) были физически уничтожены, с другими расправлялись путем политических процессов, диффамации и политических убийств. Один раз, в 81–80 гг. они испытали на себе тотальное уничтожение; во второй, в 52–49 гг. они оказались на грани. «Республика» и ее «партия власти» уничтожали оппозицию (не только радикальную и умеренную) с последовательностью, достойной многих диктаторских и тоталитарных режимов.

Оппозиция римских популяров отличалась от оппозиции и инакомыслия в авторитарном государстве, каковым стала Римская Империя. Эта оппозиция не была направлена против строя, конституции или высшего носителя власти, более того – популяры и особенно Цезарь защищали государственность и законность гораздо больше, чем их противники. Как отмечал Хр. Мейер, в олигархическом государстве, каким был Рим, «личное» и «политическое» были неразделимы, а олигархические кланы и «партия оптиматов», по сути, незаконно присвоили себе право распоряжаться

ся жизнью и средствами государства и общества, превращая их достояние в личную собственность. В поздней Республике за той или иной тенденцией внутренней и внешней политики стояли вполне конкретные личные и материальные интересы того или иного клана или правящей группы в целом. Цезарь осуществил, вероятно, главную реформу римской политической системы, убрав это олигархическое «личное» из жизни общества и политики государства. К этому же стремились и популяры.

Egorov A.B.

Roman populares – political terminology, the structure of movement, ideology

The problem of the optimates and the populares is being discussed since the “Römische Geschichte” of T. Mommsen until the modern period. Modern scholars usually support the theory of M. Gelzer and F. Münzer about “personal parties”, but they also agree with some of Mommsen’s opinions. The concrete analysis of the word “populares” and its contexts, the examination of persons, named populares in our sources and a look at their programme and party and personal connections allow us to speak about the consolidated movement with the concrete programme and party and personal connections between their members.

